

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
К68

Katharine and Elizabeth Corr
A THRONE OF SWANS

Copyright © Katherine and Elizabeth Corr, 2020
Originally published in the English language as A Throne of Swans
by Hot Key Books, an imprint of Bonnier Books UK
Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency
and Bonnier Books UK

The moral rights of the author have been asserted

Корр, Кэтрин.
К68 Лебединый трон / Кэтрин и Элизабет Корр ; [перевод
с английского З. И. Алиевой]. — Москва : Эксмо, 2020. —
352 с. — (Young Adult. Лебединая сага).

ISBN 978-5-04-110610-2

Мир королевства Соланум разделен надвое. Элита способна пре-
вращаться в птиц, всех остальных прозвали бескрылыми. К ним нельзя
прикасаться без перчаток — даже легкое прикосновение вызывает
боль. Лебедь — фамильная птица Адерин, но девушка больше не мо-
жет менять облик с тех пор, как ее мать была растерзана свирепыми
ястребами.

Чтобы найти виновного в трагедии, Адерин отправляется в Се-
ребряную Цитадель — неприступный замок короля, ее родного дяди.
Однако законы при дворе суровы. Оказавшись в настоящем змеином
гнезде, девушка должна не только суметь выжить, но и занять трон,
наследницей которого она является.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-110610-2

© Алиева З.И., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается маме и папе,
которые призывали нас читать абсолютно всё.*

(Элизабет Корф)

*Посвящается Виктории,
которая выразила надежду, что «Лебединое озеро»
станет отличным отправным пунктом в истории,
и оказалась полностью права.*

(Кэтрин Корф)

*Окруженный невыразимыми деяниями,
я вынужден совершить нечто ужасное.*

Я знаю свою ярость.

Она не может остаться незамеченной.

*И даже в страхе я не сверну
с этой пагубной тропы...*

Софокл. «Электра». Стихи 221-4

ἐν δεινοῖς δεῖν' ἠναγκάσθην·

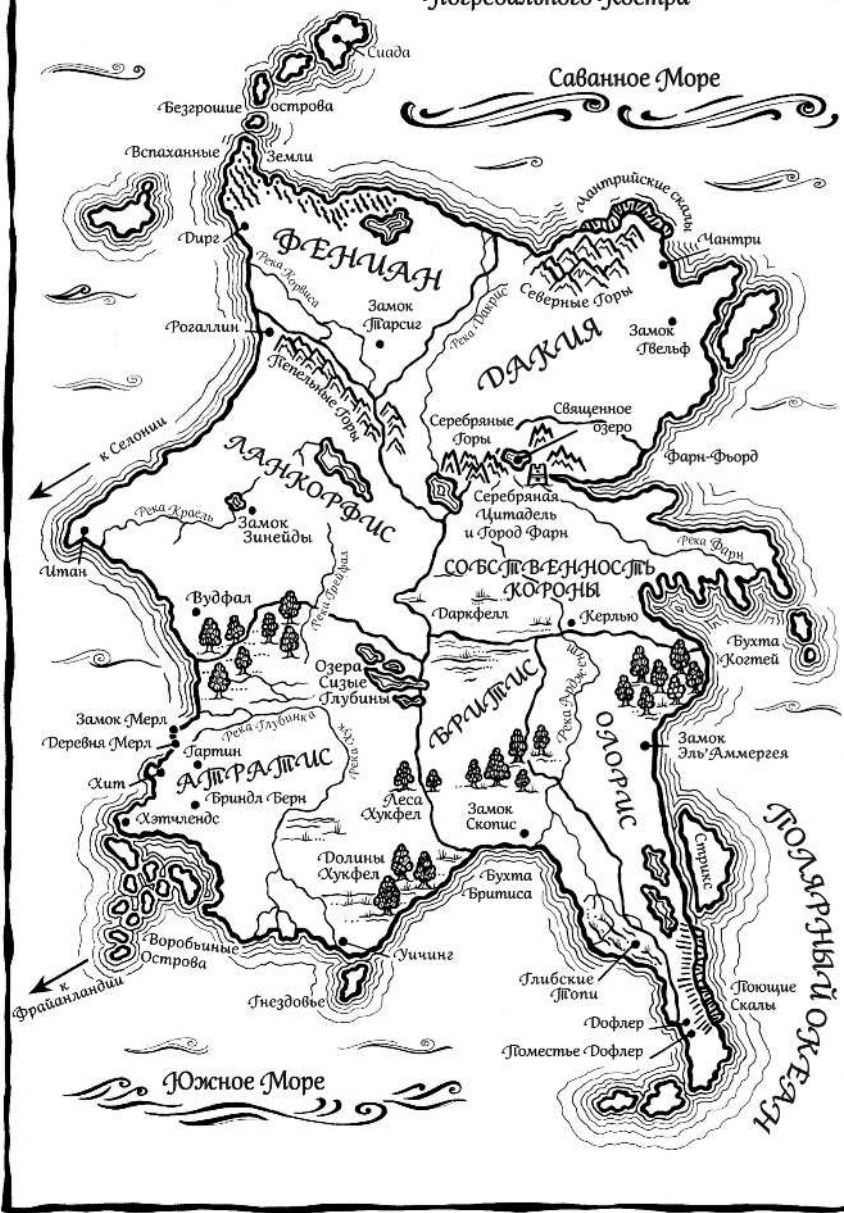
ἔξοιδ', οὐ λάθει μ' ὄργα.

ἀλλ' ἐν γὰρ δεινοῖς οὐ σχήσω

ταύτας ἄτας...

КОРОЛЕВСТВО СОЛАНУМ

Пламя
Погребального Костра

ПРОЛОГ

На часах около полуночи, когда мой отец умирает. Лекари вокруг носятся и суетятся, измельчают душистые травы и бормочут какие-то заклинания над припарками. Но даже лавандовый запах дыма не способен отогнать вонь разлагающейся плоти, как и одинокий огонек свечки не в силах спрятать в темноте комнаты еле вздымающуюся грудь и скрюченные пальцы, вцепившиеся в постельное белье. Он раздраженно отталкивает от себя лекаря и просит меня подойти ближе.

Мне шепчут об инфекции, и все же я не могу отказать просьбе отца. Я опускаюсь на край большой дубовой кровати, моя красная шелковая юбка в темноте напоминает разливающуюся кровь. Я склоняюсь над отцом, крепко держа его за руку.

— Это... — он указывает на свои сочащиеся язвами грудь и плечи, — моя ошибка. Я... слишком задержался. А эта зараза... — Его речь становится тяжелой, словно ему мешает говорить опухший язык. — Прости меня, Адерин.

Я его понимаю. Хворь, опустошившая за последний месяц один из наших портовых городов, привела к карантину и массовым смертям. Мой отец во имя

помощи своим людям или во имя науки, а может, того и другого сразу, подолгу оставался с больными в надежде найти вакцину. Он рисковал своей жизнью в погоне за знаниями и раньше, но только в этот раз проиграл. А сейчас, сейчас он хочет моего прощения. Я пытаюсь сказать ему, что все будет хорошо, что лекари, может быть, все же найдут способ спасти его, но ложь застревает в горле. Вместо этого я смотрю в его затуманенные глаза и шепчу:

— Я знаю. Знаю, что уже поздно, отец. Ты должен отдыхать.

Но он качает головой, стискивает зубы крепче и моргает, пытаясь сфокусироваться.

— Я хочу, чтобы ты... осталась здесь, когда меня не станет. Останься в замке.

Он говорит это уже не в первый раз. Моя жизнь годами была ограничена нашим замком и островом, на котором он стоял. Уже давным-давно я перестала задаваться вопросом, когда смогу уйти отсюда. Я узнала, что можно стоять на открытом воздухе, на ветру, развевающим волосы, и все равно задохнуться. Узнала, что можно приказывать другим, но все еще быть узницей.

— Ты должна остаться, — слова прерываются приступом кашля. Прислуга бросается вытирать с подбородка отца кровь и слюну. — Оставайся здесь. Тут безопасно. Обещай мне.

Видимо, болезнь окончательно затуманила его разум. Если я никогда не покину это место, я не смогу исполнить того, что от меня требуется. И я никогда не поверю, что мой отец действительно хочет, чтобы я стала своей собственной заложницей, запертой в этих стенах вопреки клятве, которую я сама себе дала. Но, по всей видимости, я ошиблась. Он крепко хватает меня за плечо, пытаюсь приподняться. И даже

несмотря на слабость тела, хватка его пальцев оказывается болезненной.

— Пообещай мне, Адерин. Ты же знаешь, как я люблю тебя. Все, чего я хочу, — он болезненно задыхается, — это защитить тебя.

— Я знаю, что ты любишь меня, отец. Я тоже тебя люблю.

Но дать такое обещание я не в силах. Мне не хочется лгать.

К счастью, он не замечает моего молчания и опускается на подушки. Его веки дрожат каждый раз, когда раздается звон часов, отбивающих час за часом.

— Хорошо. Я надеюсь, однажды ты поймешь. И еще... твоя мама...

Слова тают в тишине.

— Отец? Что ты хотел сказать? Пожалуйста, если есть хоть что-то, чего ты не сообщил мне, хоть что-то...

Мой голос словно раздается издали. Я слегка встряхиваю старика за плечи.

— Отец...

Лекари собираются вокруг кровати, и я отхожу в сторону. Они проверяют пульс, дыхание и сердцебиение.

А затем кто-то из них прикрывает отцу глаза и накрывает его тело простыней. Снова раздается звон часов.

— Ваша Светлость?

Еще секунду я не осознаю происходящего. «Мой отец мертв. Он не может ответить вам».

Но слуга повторяет вопрос.

— Ваша Светлость?

И только теперь я понимаю: он обращается ко мне. Я больше не семнадцатилетняя девочка, которая тратит свое время, как ей заблагорассудится. Я больше не

леди Адерин. Я Ее Светлость, защитница доминиона Атратис, единственная госпожа замка Мерл и прилегающих к нему земель.

Каким-то образом, в промежутке между концом одного дня и началом другого, изменилось все.

Всю следующую неделю или даже больше я нахожусь словно под толщей воды и смотрю на мир из пузырька скорби. Скорби, злости и жалости. К своему отцу. К себе. Я веду себя так, что никто не догадывается о моем состоянии. Хожу и разговариваю как обычно, ем и сплю в нужное время.

Портной приносит траурный наряд, я меряю его, всучив слуге свое любимое красное платье. Лорд Ланселин из Ансериса, управляющий, кладет передо мной указания к последнему полету моего отца: еда, музыка, список приглашенных. Я делаю вид, будто прохожу взглядом по списку. Чернильные каракули на страницах не имеют никакого смысла. Я соглашаюсь со всем, лишь бы остаться одной. Уже в одиночестве я наблюдаю, как волны разбиваются о гранитные скалы у подножия замка. Смотрю, пока глаза не начинают болеть. Я прислушиваюсь к собственному дыханию, обездвиженная болью в груди, — ударом, нанесенным второй потерей. И все же бег времени невозможно остановить.

Наступает день последнего полета. Будь мой отец жив, он бы наверняка не подчинился жесткому этикету королевского двора, но его смерть привела к ряду требований. На мне новая черная сорочка с высоким воротником и длинными рукавами, скрывающими руки, и тяжелая траурная диадема из черного янтаря и серебра, которую принесла моя горничная из хранилища. Она надевает ее на мои темные волосы, прикрепляя

ЛЕБЕДИНЫЙ ТРОН

зажимами к голове. Когда я прибываю на пристань, гости, жители замка, фермеры и местные лорды уже собрались. Большая тень выглядит, словно выброшенная на берег кучка черных морских водорослей. Спустя определенное количество речей и песен моего отца, как когда-то мою мать и их родителей, погружают на высокий нос лодки и пускают в открытый поток. В последний миг огонь охватывает сухие щепки, сложенные вокруг его тела; вспыхивают красные языки пламени. Почетный караул шагает вперед. Каждый член дворянства, представляющий свою семью, одет в черный длинный плащ.

Один за другим они отдают свои плащи слугам. И на минуту каждый из них дрожит на прохладном утреннем воздухе. А затем они обращаются.

Журавли и бакланы, вороны и грифы, цапли и скопы — каждый из них плавно превращается из человека в птицу и поднимается в небо. Птицы, которые гораздо больше, гораздо опаснее, чем их тезки, обитающие в наших лесах и полях. Собравшись вместе, перевоплощенная знать следует за пылающей в море лодкой. Столько разных птиц. Но ни одного лебедя.

Теперь мой отец мертв, а я единственный оставшийся лебедь.

И я не могу летать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я сижу за большим письменным столом в своем кабинете. Это новая рабочая комната: мой отец вел дела в длинной галерее под взглядами наших мертвых предков. Как и многие из нас, он любил ходить во время работы, пока вокруг него кружили слуги, делая пометки и перетаскивая стопки бумаги. Мышцы ног могут слишком быстро ослабеть, если большую часть времени проводить в полете. Управляющий перестал суетиться и поднял вверх указательный палец — верный знак того, что у него появилась умная мысль или другой аргумент.

— Траур закончился только на прошлой неделе, Ваша Светлость. Всего четыре дня назад. Вы только перестали носить черное и уже торопитесь вернуться ко двору и его удовольствиям... Некоторые могут счесть это неприличным. Вы демонстрируете неуважение к своему покойному отцу.

— Пускай считают. Но мой траур окончен, и я не отправляюсь ко двору завтра же. Мы оба знаем, что для организации моего отъезда потребуется время, поэтому я не вижу никакой причины, чтобы оттягивать этот момент.

На худом лице моего управляющего дергается мускул.

— Я вижу, вы полны решимости как можно скорее покинуть Мерл и ваш доминион, — он приподнимает брови. — Несмотря на все мои попытки убедить вас в обратном. Несмотря на то, что здесь, в Атратисе, вам еще столько всего нужно сделать.

Со внутреннего дворика доносится пение. Оставив спор, я подхожу к высоким арочным окнам и открываю их шире. В огороде работают слуги, передвигаясь между грядками овощей с мотыгами и тачками. Выглянув наружу, я обращаю лицо к солнцу, мечтая вновь оказаться снаружи. Пытаюсь поймать лучи, блуждающие по стене. В такое прекрасное утро мой отец пригласил бы меня прогуляться с ним по окрестностям замка, попутно проверяя мои знания о местных растениях и культурах. Рассказывал бы мне подробнее о тех, что мы экспортируем. Забавлял бы меня рассказами о визитах в другие доминионы и о новых находках в местах, которые мне никогда не разрешалось посещать самой.

— Ваша Светлость...

— Я была заперта здесь достаточно долго, Ланселин. Знаю, что у меня есть обязанности, — я бросаю виноватый взгляд на грудку бумаг, которые занимают по меньшей мере половину моего стола, — но я не уйду на большой срок. В обычной ситуации я бы оставалась при дворе, по крайней мере, два года.

— Но ваша ситуация не обычная, Адерин, — я замолкаю от удивления, как только слышу свое имя. Управляющий зажимает переносицу и вздыхает. — Простите мою откровенность. Но вы же знаете, что отец держал вас здесь ради вашей же безопасности. Если король узнает, что вы по практическим соображениям бескрылы...

— Я не бескрылая.